

*Повесть о народе несчастном от злодеяния
и счастливом от добродетели.*

Детское чтение

или

Отборные небольшие повести

удобные увеселить детей и наставить их любить

добродетель

переведены

с французского языка

Лейб-гвардии Преображенского полка

подпрапорщиком

Капитоном Бачарниковым

В Санкт-Петербурге

1779 года

*Его превосходительству
Лейб-гвардии Преображенского Полка
Премьер-майору
и Орденов Святой Анны и Святого Георгия
Кавалеру
Милостивому государю
Фёдору Матвеевичу Толстому*

*Ваше превосходительство
Милостивый государь!*

Долг подчинённости и желание засвидетельствовать перед Вашим Превосходительством мои упражнения и мою нижайшую благодарность обязывают меня первый мой труд посвятить высокими добродетелями славному имени Вашего Превосходительства.

Удостойте его сродной Вашей благосклонности. Приятие Ваше возвеличит малое достоинство перевода сего, ободрит и наставит юность мою к зрым и успешнейшим подвигам и повелит мне во всю жизнь пребывать с достождным и нелестным к Вам высокопочитанием.

Вашего Превосходительства
Милостивейшего моего государя

1779 года
Сент. 1 дня

Преданнейший и покорнейший слуга
Капитон Бочарников

Был в Аравии небольшой народ, называемый Троглодитами . Он происходил от тех древних Троглодитов, которые, если верить в том историкам, подобились больше скотам, нежели людям. Но сии, хотя не были с ними толико сходны, не имели, например, шерсти как медведи, не шипели, однако были толико злы и люты, что не находилось между ними никакого праведного и правосудного начала.

Они имели у себя царя, иностранного происхождением, который, желая исправить злость их природы, поступал с ними строго; но они против него взбунтовались, убили его и искоренили всю царскую фамилию.

После сего случая сошлись они, дабы избрать себе правительство, и по многих несоглашениях, наконец поставили над собою властителей. Но не успели их выбрать, как сделались они для них несносными; и их подобно уметрвили.

Народ сей, освободившейся от нового сего ига, не внимал больше никому, кроме своей дикой природы. Все частные согласились, чтоб всякий бдел о своих выгодах без всякого внимания на выгоды другого.

Единогласное сие определение льстило чрезвычайно всех частных; они говорили: какое мне дело умерщвляться, труждаясь для людей, о которых мне нет нужды заботиться? Я буду думать единственно о себе и буду жить счастливым; что мне до того, чтоб другие были таковыми же? Я себе снищу все мои надобности, и лишь только б я их имел, мне не будет нужды беспокоиться, хотя все другие Троглодиты будут бедны.

Настал месяц, в который засевают земли. Всякий сказал; я не больше вспашу моего поля, как чтоб снабдить себя нужным для моего прокормления хлебом; большее количество для меня будет бесполезно; я ни за что не стану утруждаться.

Земли небольшого сего королевства не все были одинакового свойства, но были в них сухие и гористые; а другие, будучи низменные, орошаемы были множайшими источниками. В сей год столь была великая засуха, что лежащие на возвышенных местах земли вовсе ничего не уродили; напротив того те, кои могли быть наводнены, принесли обильные плоды. Таким образом нагорные народы погибли почти все с голоду от жестокости других, кои отказывались разделять с ними урожай свой.

Следующее лето было весьма дождливым. Возвышенные места чрезвычайно уродили жатву, а низкие земли были потоплены. Половина народа вопили во второй раз глад; но сии жалкие встречали столь же жестоких людей, каковы они были сами.

Один из главных обывателей, имел весьма прекрасную жену. Сосед его в неё влюбился и её похитил. Произошла между ними великая ссора и, после многих обид и биений, согласились они предаться решению одного Троглодита, который, во время, как состояла республика, имел некоторую доверенность. Они пошли к нему и хотели рассказать ему свои причины. “Что мне нужды”, — сказал сей человек, — “чтобы жена сия была твоя или твоя? Я имею возделывать своё поле, я не намерен может быть употреблять моего времени на разрешение распрей ваших и утруждаться вашими делами, пренебрегая чрез то мои. Прошу вас оставить меня в покое и не скучать мне вашими жалобами”. После сего он пошёл работать свою землю. Похититель, будучи гораздо сильнее, клялся, что скорее умрёт, нежели отдаст жену сию; а другой пронзённый несправедливостью своего соседа и жестокосердием судии, шел весь в отчаянии, как увидел на пути своём младую и прекрасную жену, возвращающуюся от источника. Он не имел уже жены, сия ему понравилась, и понравилась она ему ещё больше, когда он узнал, что это была жена того, коего он хотел иметь судиёю, и который толико был нечувствителен к его несчастью. Он её подхватил и увлёл в свой дом.

Был человек, который имел гораздо плодоносную пашню, кою он возделывал с великим рачением. Двое из его соседей согласились вместе, выгнали его из дома своего и овладели его пашнею. Они сделали между собой союз, дабы защищаться противу всех тех, кои бы похотели её у них отнять; и действительно они подкрепляли себя тем через многие месяцы. Но один из них, скучась разделять то, чтобы он мог иметь токмо один, убил другого и сделался единым владетелем той пашни. Обладание его было недолгое. Двое других Троглодитов на него напали; он был весьма слаб, чтобы против них защищаться и был умерщвлён.

Один Троглодит, будучи почти наг, увидел, что продается сукно; он спросил, чего оно стоит. Продававший сказал сам в себе: конечно я не должен ожидать больших денег за моё сукно, как за какие можно купить два четверика хлеба, однако я его продам вчетверо дороже, дабы иметь восемь четвериков. По нужде надобно, чтоб он заплатил просимую цену. “Я очень

радуюсь”, — сказал продававший, — “теперь я буду с хлебом. Что ты говоришь, отествовал покупающий: ты имеешь нужду в хлебе? У меня есть продажной. Цена его только может быть тебя ужасит; ибо ты знаешь, что хлеб чрезвычайно дорог, и что голод везде почти царствует, но дай мне, какие я потребую деньги, и получишь четверик хлеба, иначе я не намерен оного лишаться, хотя б ты с голоду треснул”.

Между тем лютая болезнь опустошала страну сию. Искусный врач приехал туда из соседнего государства, и давал лекарства свои столь успешно, что излечал всех тех, кои вверяли себя в его руки. Когда болезнь миновалась, ходил он к тем, кого пользовал, востребовать своей платы; но получал только отказы. Он возвратился в страну свою, и прибыл туда изнемождён неудобствами столь дальнего путешествия. Но вскоре после услышал он, что та же самая болезнь оказалась снова, и зорила больше, нежели когда-либо, неблагоприятную сию землю. Они пришли в сей раз к нему, но не услышали, что он к ним пойдёт. “Подите”, - сказал он им, - “неправедные люди, вы имеете в душе более смертный ад, нежели от которого хотите исцелиться; вы недостойны занимать на земле места потому, что не имеете человечества, и что правила справедливости вам неведомы. Я почту, что прогневаю богов, которые вас наказуют, когда стану воздерживать правосудие их гнева”. Зараза столь была сильна, что не осталось кроме двух фамилий, кои избегли несчастий всего народа.

В сих двух фамилиях находились два весьма отменные человека. Они имели человеколюбие, знали правосудие, и любили добродетель. Толико соединённые правотою своего сердца, колико связывались повреждением сердца других, видели они общее сие истребление и не вспоминали об оном кроме как с соболезнованием. Сие было для них побуждением к новому соединению. Они трудились для общей выгоды, обще заботясь. Не было между ими иных размолвий, кроме тех, кои рождает приятное и нежное дружелюбие; и в тайнейшем месте государства, удалённые от своих соотечественников, недостойных их присутствия, провождали они счастливую и спокойную жизнь. Земля, возделываемая добродетельными сими руками, казалось, произращала сама собою.

Они любили своих жён, и были от них нежно любимы. Всё их внимание устремилось в то, дабы воспитать детей своих в добродетели. Непрестанно представляли они им несчастия своих соотечественников и предлагали глазам их сей толико плачевный

пример. Притом старались дать им знать, что выгода частных содержится всегда в выгоде общей: что хотеть от себя отделиться, есть хотеть себя погубить, что добродетель не есть такая вещь, которая долженствует чего-либо для нас стоить; что не надлежит почитать её за тягостное упражнение; и что оказуемая справедливость другому есть любление самого себя.

Вскоре возымели они утешение добродетельных отцов, то есть возымели себе уподобляющихся детей. Младый народ, который взрос при очах их, размножился через счастливые супружества. Умножилось число, но единство было всегда то же; и добродетель вместо, чтоб ослабнуть во множестве, напротив того утверждалась большим числом примеров.

Кто может представить здесь блаженство сих Троглодитов? Толико справедливый должно, чтоб любезен был богам. Как скоро отверзлись у них очи к познанию богов, то уже умели они их бояться; и богопочтение умягчало в нравах их то, что от природы оставалось в них весьма грубого.

Они уставили в честь богов праздники. Младые девы, украшенные цветами, и младые юноши праздновали оные своими плясаниями и согласиями сельской музыки. Потом составляли пирования, коими не меньше управляло веселие, как и воздержанность. В сих то собраниях гласила откровенная природа; в них научились давать сердце и принимать оное; в них нежные матери со удовольствием проводили издали для дочерей своих приятное и верное соединение.

Они ходили в храм для испрошения милостей от богов. Но молитвы их не были о богатствах и тягостном изобилии. Подобные желания были недостойны счастливых Троглодитов; они умели оных желать только своим соотечественникам. Сами же повергались к жертвенникам, и просили здравия своим отцам, согласия братьям, любви и повиновения для детей своих. Девы приходили к оным, дабы принести нежную сердца их жертву, и не о какой другой умоляли милости, как чтоб возмочь учинить какого-либо Троглодита счастливым.

Вечеру, когда стада оставляли паствы, и утомлённые воли влекли домой соху, они собирались и за умеренным столом пели несправедливости прежних Троглодитов, их несчастья, возрождающуюся добродетель с новым народом и своё благосостояние. Славили величия Богов, благотворительность готовую всегда просящим о ней людям, и неминуемый их гнев на небоящихся их.

Потом описывали они весёлости сельской жизни, и блаженство состояния, украшаемого всегда невинностью. И вскоре предавались сну, который от забот и печалей никогда не прерывался.

Природа не меньше помышляла о их желаниях, сколько и о их нуждах. В блаженной сей стране желательствовать было странное дело. Они одаряли один другого, причём тот, который дарил, сие поставлял всегда себе прибытком. Народ Троглодит почитался единою фамилиею. Стада их почти всегда смешивались. Единое затруднение для них в этом было то, чтоб их снова разделять.

Один из них однажды сказал: “Отец мой должен завтра пахать своё поле, но я встану прежде его за два часа, и когда он придёт на пашню, то найдёт её уже вспаханною”.

Другой сказал сам в себе: “Мне кажется, что сестре моей нравится сей молодой Троглодит; я должен сказать сие моему отцу и преклонить его на соизволение сего брака”.

Пришли сказать одному, что воры похитили его стадо. “Жаль того”, — сказал он, — “что у меня в нём была совсем белая Юница, которую я намерен был жертвовать богам”.

От некоторого выговорены такие слова: “Я должен идти во храм благодарить богов; ибо брат мой, коего столько любит отец мой, и который толико мил мне, выздоровел”.

Такоже: “С пашнею отца моего смежно поле, на котором трудящиеся всякой день подвергаются солнечным жарам. Надобно, чтобы я пошёл посадить на ней два дерева, дабы бедные сии люди могли иногда приходиться успокоиться под тень их”.

В один день, когда собрались многие Троглодиты, один старик рассказывал о молодом человеке, коего он подозревал в учинении худого деяния, и ему за то выговаривал. “Мы не думаем, чтоб он учинил сие злодеяние”, — сказали молодые Троглодиты, — “но если он виноват, то пусть он умрёт последний в своей фамилии!”

Пришли сказать одному Троглодиту, что чужеземцы разграбили его дом, и унесли всё. “Если б они не были несправедливы”, — отвечивал он, — “то пожелал бы я, чтоб Боги дали им долее тем пользоваться, нежели мне”.

Однако на толикия их благоуспешества взираемо было не без зависти. Соседние народы восстали против их; и по пустой причине вознамерились отнять у них стада. Как скоро намерение то узнано, то Троглодиты послали перед них послов, кои говорили им таким образом:

“Что сделали вам Троглодиты. Отняли ли у вас ваших жён? Или похитили ваших скотов? Опустошили ли поля ваши? Нет. Мы справедливы и боимся богов. Чего же желаете вы от нас? Хотите ли волны, для сделания себе одежд? Желаете ли млека от стад наших, или земных наших плодов? Бросьте оружие, придите к нам, и мы дадим вам всего сего. В противном случае клянёмся всем, что ни есть священнейшего, что если вы войдёте в земли наши как неприятели, то мы почтём вас за народ несправедливый, и поступим с вами, как с дикими зверьми”.

Слова сии приняты были с презрением. Дикие сии народы вошли вооружены в земли Троглодитов, которые не мнили они быть защищаемыми, как токмо их невинностью. Но Троглодиты весьма расположились к обороне. Они поставил жён и детей своих посреди составленного из них круга. Они ужасались несправедливости своих неприятелей, а не числа их. Новый некий жар овладел сердцами их; иной хотел умереть за отца своего, другой за жену и детей своих; сей за братьев, тот за своих друзей; все за народ Троглодитский. Убитого место занимал тотчас другой, который, кроме общей причины, имел ещё отмщевать частную смерть.

Такое-то было сражение несправедливости с добродетелью. Слабые сии народы, не искавшие как добычи, не постыдились обратиться в бег, и уступив храбрости Троглодитов, оставили их с того времени наслаждаться спокойно своим благополучием.

Госп. Монтескю.

